

Часть 1

*Тикают стрелки, считая года.
Время не ждет —
Никого, никогда!
Люди кричат ему вслед:
— Стой!..
— Не спеши!..
— Задержись хоть на миг!..*

*Время —
Седой равнодушный старик —
Мрачно бормочет в ответ:
— Некогда...
Времени нет.*

Март, 2017 год

Имя: *Рокотов Вадим Алексеевич*

Год рождения: *1958*

Профессия: *известный (очень известный!)
детский писатель*

Должность: *классик*

Образование: *высшее. Закончил МГТУ
им. Баумана и Московский институт
иностранных языков (заочно)*

Двести пятьдесят... Нет, двести шестьдесят четыре книги издано за десять последних лет. А то, что

с трудом издавалось вначале, что когда-то радовало до умопомрачения, — вот она, на нижней полке. Тоненькая книжечка: Москва, 1988.

Оглавление занимает две страницы. Тридцать поэтов: все — молодые, все — талантливые, все — «подающие надежды».

В. Рокотов. «На облаке». Если бы сейчас известный писатель Вадим Рокотов встретил это стихотворение в одной из рукописей современных молодых, он бы не пропустил... наверное... заметил бы.

А может, и нет. Всё-таки время изменилось, и не столько темы, сколько интонации. Темп, ритм... А это плывущее стихотворение про облако такое неторопливое, что глаза закрываются сами.

А может, он просто устал? Те первые наивные стихи — всего лишь предисловие, а настоящие пришли потом, через полтора года. Стихи-открытия, стихи-взрыв!

Он... — то есть они, все вместе! — ворвались в детскую литературу такой веселой оравой, радостные, полные надежд, вдохновения и желания перевернуть мир. Ах, какое это было время!

Вадим даже глаза прикрыл от удовольствия.

Это было в восьмидесятых...

Тогда он познакомился с Игорем Красниковым и Сергеем Челябинским. Они перезванивались, встречались в библиотеке, бродили по улицам и читали, читали друг другу стихи.

Потом... Потом их стало больше. Появилось объединение. Они заявили о себе — мощно,

ярко! Поодиночке они бы затерялись. Пропали... А вместе они были силой, с которой нельзя было не считаться.

Одна за другой проклюнулись первые коллективные публикации.

На которые сразу обрушилась критика!

Но яростные обвинения в адрес молодых только раззадоривали. Пусть эти престарелые рецензенты пишут что хотят! Важнее в сто раз была оценка своих.

Ну и еще тех из «старичков», которых уважали и у которых учились.

Вот она, его первая — настоящая! — книга. Двадцать пять стихотворений, которые сейчас известны каждому ребенку. Классика. А он — живой классик.

Господи, как скучно!..

Звякнул телефон — тактично, без надрыва. Что там? Эсэмэска от оргкомитета по премиям. Просят войти в жюри. Но он уже отправил согласие!.. Ну ладно, ладно, можно еще раз подтвердить.

Когда в последний раз он написал стихотворение? Не просто зарифмованные техничные строчки, а — настоящее стихотворение? Два года назад. В октябре...

Да, тогда его всё еще настигало то, что напыщенно называют вдохновением. Непередаваемое ощущение! Радость, легкость и вседозволенность!

В почтовом ящике в «Яндексе» — четыре приглашения на вручение, подведение, еще куда-то...

Несколько писем от молодых (или немолодых) полужнакомых авторов. В основном девушки.

Вот письмо от какой-то Оксаны. Вежливенькое такое, старательное. Наверное, подбирала слова, волновалась.

Так, что у нее? Рукопись. Большая. Просит прочитать и дать отзыв.

Первое стихотворение, второе... Так, всё понятно.

Еще одно письмо. Опять приглашение в жюри? Нет, запись на радио.

А тут... Они что, совсем?!

Просят разрешения объявить новый конкурс имени Вадима Рокотова! Братцы, да я ж еще не помер!..

Громко, не стесняясь, зазвонил телефон.

— Привет, па!

— Привет, сын!

Веселые позывные, так они перекликались через всю Москву больше десяти лет.

А встречались нечасто. Пока Димка не перешел в десятый, было проще. Оля, бывшая жена («бывшая» — какое слово неприятное!), даже составила расписание, время для встреч: суббота и почему-то понедельник. В субботу они с сыном ходили на каток или в кино. Иногда просто гуляли: разговаривали, обсуждали свои важные мужские дела.

В десятом всё труднее стало находить время. Димка много занимался: репетиторы, курсы английского, театральная студия.

Наверное, что-то еще у него было. (Или кто-то, а как же иначе? Время пришло, да и парень симпатичный — весь в отца!)

— Ты как вообще-то? В порядке? Мама как? — спросил на всякий случай, мало ли что.

— Всё окей! Тебе тут какую-то премию дали, ты слышал?

— Да ладно, ерунда.

Еще одна медаль — «За заслуги перед детской литературой». К медали прилагается солидная сумма. Ну и что это в принципе меняет? Еще одна строчка в «Википедии».

— Слушай, сын. Может, пересечемся где-нибудь? А то ведь я забуду, как ты выглядишь.

— Ха! Ноу проблем! Вот, я уже скинул тебе фотку. Лови!

Вадим нахмурился.

— Я серьезно.

— Конечно, о чем разговор? — легко согласился Димка. — Давай через неделю? В субботу... нет, в субботу у меня встреча с одной... с одним... Короче, созвонимся. Хорошо?

Перед ужином зачем-то снова зашел к себе на «Яндекс». Захотелось получить обычное дружеское неделовое письмо, но кто ж сейчас пишет письма?

...Три официальных послания с приложенными договорами. В одном — просьба дать разрешение на переиздание.

Сколько раз можно всё это печатать? У него же есть и новое!

Вернее, он думал, что то, что написалось за последние полгода, — что-то новое. А сейчас, в дурном настроении, перечитал рукопись и понял, что повторяется, перепевает сам себя.

Самоповтор — это тот же плагиат, в котором нельзя обвинить официально. Неужели его время истекло?

Он равнодушно скользил курсором по адресам. На некоторых задерживался, щелкал «ответить» и привычно писал две-три вежливые фразы. Пара ответов каждый день, и завал писем уже не казался неподъемным, не превращался в цунами.

Среди непрочитанных просверкнуло знакомое имя: Мишка Серегин. Никакого отношения к литературе, слава богу! Просто старый приятель по Бауманскому. Вместе сбегали с лекций (редко, но было дело!), вместе ухаживали за одной и той же девушкой Олей, которая в конце пятого курса стала женой Вадима. Дружбе это не помешало. Даже после того, как Мишка на три года уехал по приглашению какой-то научной лаборатории в Америку, они не потеряли связи. С семейной жизнью у Мишки, кажется, так и не сложилось...

Как, впрочем, и у Вадима. С Олей восемь лет они жили душа в душу, словно в раю. Молодые, веселые, полные самых радужных планов! Димка родился — копия отца: такой же упрямый подбородок, такие же синие мечтательные глаза.

В раю как в раю, но квартирный вопрос, конечно, мешал. Втроем в одной комнате с крохотной

кухней, с пленками на веревках вдоль всего коридора. Вадиму тогда нужны были все силы, всё время и энергия, чтобы написать то, что стучалось изнутри и готово было превратиться в строчки и слова. Ночью он вскакивал, зажигал настольную лампу, притуливался за обшарпанным кухонным столом. Компьютера у него не было, и все свои тогдашние гениальные стихи он печатал на пишущей машинке.

Импортную чехословацкую машинку ему подарил дядя Гена. Королевский подарок, жуткий дефицит, мечта поэта! В середине восьмидесятых отечественная пишущая машинка (которую тоже просто так, без блата, купить было сложно) напоминала неподъемный чемодан. А эта — беленькая, легонькая! Защелкивалась легко, и ее можно было нести, как обычный портфель. И печатала она тише, без стука и треска.

И всё-таки звуки на кухне мешали Оле. Ей приходилось нелегко: днем разрывалась между работой и маленьким Димкой, вечером — магазины, стирка, готовка. Какая уж там диссертация!

А еще им хронически не хватало денег. Унизительное чувство: здоровый мужик с двумя дипломами о высшем образовании не может купить любимой жене букет роз в годовщину собственной свадьбы!

...Первый гонорар за стихотворение в общем сборнике молодых ошеломил: восемьдесят пять рублей за пятнадцать строчек! Половина месячной зарплаты инженера.

Сначала они хотели купить самое необходимое: колготки на черном рынке для Оли. А потом махнули рукой, вызвали такси и рванули в не самый шикарный, но вполне приличный ресторан.

Ну и розы, конечно же! Целый огромный букетище!

Сообщение от Мишки Серегина было коротким:

Привет. Как дела? Слышал про твои фантастические успехи. Так, значит, мы теперь классики? Поздравляю и горжусь...

Ну и всё остальное в том же духе.

А в приложении — несколько фото.

Интересно, какой он сейчас? Лысый, толстый?

Трудно (невозможно!) представить Мишку с брюшком, поседевшим, полысевшим. Сто лет — ну не совсем сто, а двадцать пять! — не виделись живую. Пересекались в соцсетях, но тоже давно.

На себя Вадим махнул рукой. Привычно, не глядя в зеркало, проводил бритвой по щекам, соскабливал мыльную пену и шел на кухню пить кофе. Пятьдесят девять лет, что тут скажешь? Конечно, не мальчик. От синих мечтательных глаз остались воспоминания да старые фото. Волосы... Нет, он не полысел, как многие его ровесники. Но вместо рыжей шевелюры, сводившей с ума половину девчонок на их курсе, на голове короткая стрижка, седой ежик. Хорошо еще, что не ленится и бегают

по утрам, держит форму. Плюс восточная борьба и теннис два раза в неделю.

Интересно, узнает он Мишку или нет?

Картинка долго не загружалась. Слишком большой файл? Ага, вот он, Мишка. Вроде и не изме...

Какое «вроде»? Даже помолодел! Или снимок старый? Но вот же помечено: «Ноябрь 2016. Санкт-Петербург». То есть четыре месяца назад.

А может, фотошоп? Сейчас чего только не вытворяют с фотографиями! Хотя Мишка и фотошоп — понятия несовместимые. Вроде не барышня, зачем ему это?

На втором снимке Мишка на велосипеде, в шлеме, надвинутом на лоб. Если бы Вадим не знал, что они ровесники, подумал бы, что человеку в кадре не больше тридцати. Даты нет, но чувствуется, что это всё та же осень, поздний ноябрь.

Захотелось услышать Мишкин веселый голос, потрепаться, как раньше.

Словно подслушав его мысли, телефон тактично пискнул.

*Привет. Ты можешь разговаривать?
Ничего, если я тебе звякну?*

Чудила!!! Вежливый, черт! Он еще спрашивает!

Кто вас, классиков, знает?

Через час они сидели в уютной кофейне на Тверской. Из-за плохой погоды народу набилось много, но ждать не пришлось. Уже через пять минут к их столику подошла молоденькая официантка в короткой юбочке и приняла заказ: капучино для Вадима, эспрессо без сахара для Мишки.

Вадим всё никак не мог начать разговор. Слишком ошеломляюще молодым оказался человек, сидящий рядом с ним. Мог бы по возрасту запросто сойти за его сына.

— Ну давай, рассказывай, где ты все эти годы пропадал, — дуя на молочную пену, спросил первое, что пришло в голову. — Как там Америка? Жива?

— Да что с ней делается? — отмахнулся Мишка и в упор посмотрел на бывшего однокурсника. — Тебя вообще-то ничто не удивило? Ну во мне, в этой встрече?

— Что ты имеешь в виду? Выглядишь ты потрясающе, поздравляю! Как это тебе удалось?

— Вот об этом я и хочу с тобой поговорить...

Они расстались через два часа. Все два часа Вадим молчал, слушал, пытаясь принять и переварить информацию, которую вывалил на него бывший однокурсник. В голове была только одна мысль: «Ерунда! Розыгрыш. Этого не может быть!»

Но живое свидетельство — не фотешоп, не загримированный артист — сидело перед ним. Молодой, сильный, радостный Мишка, тот самый, с которым он расстался более двадцати пяти лет назад.

Можно подрисовать брови, покрасить волосы, можно сохранить потрясающую спортивную форму! Но сияющие глаза — живые, полные любопытства и радости, — бывают только у молодых, и с этим ничего нельзя поделать.

— Так ты подумай над моим предложением, хорошо? — небрежно закончил разговор Мишка, с ухмылкой глядя на обескураженное лицо приятеля. — Имей в виду: через пять-шесть лет эта процедура будет стоить миллионы. А сейчас нам нужны добровольцы. Ты по всем параметрам подходишь: ну там здоровье, спортивная форма, возраст, семейное положение...

— А при чем тут семья? — уцепился за сомнительный пункт Вадим.

— При том. Чем меньше родственников, тем лучше. Как женатый человек объяснит своим детям, что вместо солидного папочки у них вдруг объявится юнец, почти их ровесник?

— Но и я, вообще-то, не сирота. У меня сын, Димка. Олины двойняшки. Да, а про Олю ты тоже забыл?

Мишка пожал плечами.

— Когда ты в последний раз виделся с ней?

— Вчера, по телефону... А с Димкой сегодня, гм, тоже по телефону.

— Одним словом, у тебя две недели, — оборвал разговор Мишка. — Если решишься, позвони вот по этому номеру, но не позже вторника. Тогда и о деталях поговорим.